

Семенников Владимир Петрович

**Монархия перед крушением,
1914-1917: бумаги Николая II и
другие документы**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В57

В57 **Владимир Петрович С.**
Монархия перед крушением, 1914-1917: бумаги Николая II и другие документы / Семенов Владимир Петрович – М.: Книга по Требованию, 2026. – 320 с.

ISBN 978-5-519-85258-6

ISBN 978-5-519-85258-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

читателя книга, уже по разнообразности своего состава, гораздо шире того, чтобы на основании ее выявлять какую-либо одну, хотя бы и руководящую, линию царской политики; в частности, вопросов, связанных с постепенно обнаруживавшимся после первого года войны тяготением романовской политики к сепаратному миру с Германией, я в этой книге почти не касаюсь, так как всё, что могло быть мной сказано по этому поводу, уже изложено в названной выше работе.

С тем большим, однако, вниманием я останавливаюсь в статьях, помещенных в настоящей книге, — поскольку возможность к этому представляют печатаемые материалы, — на тех вопросах, которые характеризуют зависимость царской России от англо-французского капитала. Война чрезвычайно укрепила депи, привязывавшие царскую Россию к ее «союзникам», и обязанностью служить им своей армией, в ущерб собственным империалистским целям, несомненно отчасти объясняются и военные поражения России. Факты, свидетельствующие о деспотической власти «союзного» капитала над царской Россией, ярки и общеизвестны, — и те штрихи, которые дает настоящая книга для характеристики этого явления, в сущности, лишь немного прибавляют к общей, уже вполне определенной картине.

Зато для оценки внутреннего курса правительственной политики, для определения социальных групп, его поддерживавших, и для общей характеристики «работы» государственного аппарата книга представляет довольно много материала.

Рассматривая в отдельных статьях различные, связанные с печатаемыми документами, вопросы, я и здесь, в предисловии, хотел бы остановиться всё же на одном, главном пункте общего характера, — а именно на вопросе о том, к чему вела правительственная политика и каковы должны были быть ее последствия; считаю полезным уделить этим вопросам внимание потому, что книга дает вполне определенные на это ответы.

Возвращение к системе «чистого», неограниченного самодержавия, неприкрытого даже 3-июньской Думой, — вот тот маяк, к которому стремилась идти царская власть. Эта цель была с полной определенностью указана Николаем еще в октябре 1913 г., за девять месяцев до начала войны, в письме его к министру внутренних дел Маклакову. В этом письме Николай сообщал, что он считает необходимым немедленно обсудить в совете министров его давнишнюю мысль об изменении той статьи закона о Гос. Думе, в силу которой, если Дума не согласится с изменениями, внесенными Гос. Советом в тот или иной законопроект и не утвердит его, то последний уничтожается. «Это, — восклицал Николай, — при отсутствии у нас конституции — есть полная бессмыслица».

Какие же именно конечные перспективы намечал при этом Николай — чрезвычайно ярко видно из дальнейших его слов!

«Представление, — писал он, — на выбор и утверждение государя мнений большинства и меньшинства (Думы) будет хорошим возвращением к прежнему спокойному течению законодательной деятельности, — и при том в русском духе». ¹

Вот идеал правящей клики — «прежнее спокойное течение»!

Эта цель была намечена Николаем еще до войны, но война отнюдь не уничтожила тяготения к этому, — наоборот, чем дольше продолжалась война, тем усиленнее стало проявляться у распутинской власти стремление вести политику к тому руслу, по которому, в конце концов, могло бы пойти это «прежнее спокойное течение».

Книга дает ряд примеров, ярко характеризующих именно это направление правительственного курса, — она же наглядно выявляет и те социальные группы, которые поддерживали и укрепляли такую правительственную политику. Во главе этих групп стояли, конечно, представители крупного дворянского землевладения, — именно на них и строила, например, распутинская власть расчеты, когда вырабатывала план фальсификации выборов в V Гос. Думу. Агентами правительства и крупных дворян-помещиков по одурачению народных масс должны были при этом являться «служители креста», — все, во главе с архиереями и кончая мелкими сельскими попами. Этот новый «крестовый поход» был направлен не против инаковерующих, как это происходило в средние века, а против всех политических «еретиков» — всех «левых». При этом, — согласно взгляду правительства, — к числу этих последних относились все те, кто были левее «правых октябристов».

К отмеченному дворянско-поповскому блоку добровольно примкнули и некоторые, связанные с банками, слои крупной промышленной буржуазии, — это видно уже из того факта, что, когда шла подготовка к упомянутым выборам в V Думу, то банки предложили распутинской власти крупные денежные суммы для ведения совместной кампании. ²

Но крайняя реакционная политика распутинской власти нашла себе поддержку не только у этих русских групп: она встретила сочувствие и за рубежом — у руководящей группы французской «демократии». Трудно представить себе что-либо общее между фактическим главой России — Распутиным и главой французских империалистов — Пуанкаре, тем более, что и в основном вопросе — вопросе о войне — их позиции были совершенно различны: Распутин был «пацифистом», Пуанкаре весь горел пламенем французского империализма, — но, несмотря на это, и Распутин и Пуанкаре сходились на одном пункте: на вопросе о необходимости реакционного курса романовской политики.

¹ См. в тексте книги «Из переписки Николая II с министрами».

² См. «Проект выборов в V Гос. Думу».

При этом, в единомыслии с русскими помещиками и попами оказались даже французские «социалисты». Достоверно известно, что именно эти последние, в лице командированных Пуанкарэ к Николаю II Альбера Тома и Вивьани, советовали царскому правительству произвести милитаризацию русских рабочих, — и весьма вероятно, что из того же французского источника шли указания о необходимости введения в России, «по французскому образцу», — предварительной цензуры.¹

Таким образом, в области воздействия на русскую политику намечался некоторый «контакт» Распутина, Маркова 2-го и т. п. — с одной стороны, Пуанкарэ, А. Тома и К^о — с другой. Надо, однако, сказать, что позднее французское правительство стало постепенно переносить свои симпатии от русского правительства в сторону русской либеральной буржуазии, — но причины этой перемены лежали только в том, что французская «демократия», серьезно усомнившись в способности царской власти вести войну, стала видеть теперь в русской либеральной буржуазии более надежную опору для своих империалистских интересов.

Всё сказанное нами намечает, под влиянием каких именно социальных групп направлялся русский государственный корабль к неограниченному самодержавию. Осуществление этой цели виделось уже после войны, т.-е. именно тогда, когда либеральная буржуазия ожидала получить «реформы»...

Что же могла противопоставить эта буржуазия назревавшему штурму реакции? Одни слова, слова об «общественном доверии», ответственном министерстве и т. п. Другого орудия, кроме этих слов, у буржуазии не было, да и не могло быть, так как она сама сознавала двустороннюю опасность даже своих красивых речей, а не только уже каких-либо активных действий.

«Наши способы борьбы (с правительством), — писал в августе 1916 г. Гучков ген. Алексею, — обоюдоостры и, при повышенном настроении народных масс, особенно масс рабочих, могут послужить первой искрой пожара, размеры которого никто не может ни предвидеть ни локализовать!»²

Возможность «пожара», т.-е. революции пролетарских масс, — вот что более всего парализовало всю «борьбу» с правительством либеральной буржуазии, вот что в тот момент, когда романовская власть кровавой диктатурой стремилась подавить революцию, побуждало буржуазию поддерживать падавшего колосса, называвшегося Российской империей, и стараться подкрепить его чахлыми «вытяжками» из своих либеральных желез.

Когда же безнадежность этой задачи стала ясна даже для буржуазии, — тогда ей не оставалось ничего иного, как, формально приняв участие в революции, приложить вместе с тем

¹ См. «Миссия А. Тома».

² См. — «Ген. Алексеев и Гучков».

все усилия к тому, чтобы,—по словам Милюкова,— ввести движение в «спокойное русло».

Но по этому «спокойному руслу» — как это показали все послереволюционные действия буржуазии — могло бы пойти нечто иное, чем столь желанное для Николая II «прежнее спокойное течение законодательной деятельности».

Оценивая все это, мы можем сделать вывод, что вся правительственная политика предreshала уже неизбежность столкновения самодержавия, но не с либеральной буржуазией, а с пролетариатом, — победа же последнего означала не буржуазную, а пролетарскую, социалистическую революцию.

Таким образом, в печатаемых документах прошлого обнаруживаются и некоторые корни настоящего: необходимость социалистической революции, кроме общих своих причин, была в известной мере predeterminedена как всей дореволюционной политикой царского правительства, стремившегося вернуть страну к неограниченному самодержавию, как бессилием русской либеральной буржуазии, так и тем, что основные опоры не только крупнейшей промышленной буржуазии, но и всей русской капиталистической системы, — банки, были не только финансовыми центрами, но и оплотами контр-революции,

В. Семенников.

МОНАРХИЯ ПЕРЕД КРУШЕНИЕМ

МИССИЯ АЛЬБЕРА ТОМА.

(Письмо Пуанкаре к Николаю II.)

Печатаемое здесь письмо соединяет имена двух лиц, возглавлявших империалистов Франции и России — Пуанкаре и Николай II; но с этими двумя лицами письмо связывает еще двух: Альбера Тома, одного из главарей II Интернационала, и, хотя менее видного, но тоже «социалиста», Вивиани. Письмо касается командировки, в апреле 1916 г. этих «социалистов» к русскому царю для того, чтобы побудить его напрячь все силы для служения интересам французско-английского капитала, и, помимо своего непосредственного интереса для характеристики этой миссии, представляет яркий штрих для общей оценки того падения, до которого дошли вожди II Интернационала.

Французские «социалисты» не усматривали, надо думать, ничего странного в том, что их посылали к русскому царю в качестве агентов французского империализма, — правда, с такой внешне скромной и вполне, казалось бы, приемлемой для «социалистов» целью, как желание империалистов Франции «засвидетельствовать уважение» их к царю России. Однако, Р. Пуанкаре прекрасно знал, что русский царь, мало разбираясь в том, что представляют собою посылаемые делегаты, мог бы, пожалуй, счесть для себя оскорбительным общение с теми лицами, которые называли себя социалистами.

Поэтому, чтобы не очень растревожить Николая II этой командировкой, французское правительство, в состав которого эти «социалисты» тогда входили, решило предпринять соответствующую подготовку; в первой своей стадии она была поручена французскому послу в России Палеологу, который и рассказывает об этом сам в своих мемуарах. Палеолог гово-

рит, что, узнав о предстоящем приезде А. Тома, он начал готовить почву у Сазонова для «наилучшего приема» Тома царем; Сазонов обещал Палеологу постараться это исполнить, но последний заметил, однако, у русского министра «тайное беспокойство», так как, по объяснению Палеолога, «пламенный (!) и заразительный (!) социализм» Тома был не по душе Сазонову. Вследствие этого Палеолог приложил все усилия, чтобы уверить русского министра в патриотизме Тома, в его стремлении «поддерживать согласие между рабочими и предпринимателями», — одним словом — «о всем напряжении его сил и таланта для служения священной союзу». ¹

Но этого было еще мало: для большего успеха командировки Тома сам президент Французской республики Пуанкарэ счел нужным дать и от себя личную ему рекомендацию, в особом печатаемом нами письме к Николаю, в котором старался рассеять те предубеждения, какие могли быть у русского царя в отношении к французскому «социалисту».

«Альбер Тома, — писал Пуанкарэ, — помощник государственного секретаря и министр военных снабжений, руководил во Франции с удивительным умением и неутомимым рвением производством артиллерийских орудий и снарядов. Лучше чем кому бы то ни было ему известно, что в современной войне решающая роль, наряду с полевой артиллерией, принадлежит артиллерии тяжелой, дальнобойной и обильному снабжению ее снарядами крупного калибра. Он содействовал развитию во Франции производства, которое, к сожалению, было весьма незначительно, и остается таким до сих пор в союзных с нами странах. Он сумел объединить для этой цели в едином усилии инициативу государства и частной промышленности; он обеспечил себе верную помощь хозяев и рабочих, — и вот уже много месяцев, как все производительные силы страны стремятся к увеличению нашего военного снаряжения...».

Пуанкарэ в этой характеристике не преувеличивал империалистского усердия А. Тома: все эти за услуги тяжелой, дальнобойной и прочим артиллериям, действительно, числились за этим «социалистом». Что после этого оставалось делать Николаю Романову? Он ласково принял А. Тома и предоставил ему, для успеш-

¹ См. П а л е о л о г. «Царская Россия накануне революции», II. 1923 г., Госуд. Изд — во, стр. 107.

ного исполнения его миссии, все возможные удобства, включая сюда и содержание на свой царский счет.¹

Из печатаемого здесь письма Пуанкаре цель приезда французских делегатов выясняется только в самых общих чертах. Но словоохотливый Палеолог обо всем этом говорит более определенно. Вот те цели, ради которых, — по словам Палеолога, — прибыли в Россию А. Тома и Вивiani:

«1) выяснить военные ресурсы России и постараться дать им большее развитие;

«2) настаивать на посылке 400 000 человек во Францию, партиями по 40 000 человек;

«3) повлиять на Сазонова в том смысле, чтобы русский генеральный штаб больше шел бы навстречу Румынии;

«4) постараться получить какие-либо обещания относительно Польши».²

Все это достаточно важные пункты; но центральным из них для французских социал-империалистов был, несомненно, вопрос об отправке четырехсот тысяч русских солдат во Францию. Теперь уже всем известно, на какую жалкую роль были обречены посланные во Францию русские войска: они, в сущности, просто были проданы русским царем в рабство французским империалистам. И вот для проведения, главным образом, именно этой сделки по покупке русского «пушечного мяса» на французский рынок и прибыли прежде всего в Россию гг. Тома и Вивiani.

Все усилия приложил А. Тома для достижения этой цели, — и, по словам Палеолога, когда этот французский «социалист» выпрашивал у Николая русских солдат, то все существо А. Тома обладало даже свойством «излучения».³ Но этот светящийся сиянием капитализма «социалист» не ограничился указанными важными делами. Он, совместно с Вивiani, считал долгом преподавать царскому правительству также некоторые советы о том, как надо относиться к русским рабочим и какие вообще мероприятия нужно провести в области внутренней политики.

Крайне характерный в этом отношении эпизод сообщает тот же Палеолог. Дело происходит на каком-то парадном завтраке; А. Тома беседует со Штюмером; их подслушивает Палеолог.

¹ Палеолог. «Царская Россия накануне революции», стр. 117.

² Там же.

³ Там же, стр. 120.

— Заводы ваши работают недостаточно напряженно, — говорит Альбер Тома (Штюмеру), — они могли бы производить в десять раз больше. Нужно было бы милитаризировать рабочих.

— Милитаризировать наших рабочих! — восклицает Штюмер... — Да в таком случае вся Дума поднялась бы против нас...

«Так, — добавляет Палеолог, — рассуждали в лето 1916 самый яркий представитель социализма и представитель русского самодержавия».¹

Из этого видно, что русский черносотенный бюрократ оказался в данном вопросе либеральнее французского «социалиста». Но почему? Почему произошло такое странное явление? Этого Палеолог не объяснил. Но мы знаем — почему. Во всяком случае, вовсе не по той причине, что Штюмер был противником предлагаемой А. Тома меры. Наоборот, реакционный русский министр всегда поддерживал план милитаризации заводов. Это видно хотя бы из переписки Романовых: так 6 марта (ст. ст.) 1916 г. А. Ф. Романова писала Николаю, что Штюмер в беседе с ней высказывал мысль, что «фабрики следовало бы милитаризировать во время войны; этот проект, — как сообщал Штюмер, — уже давно лежит в Думе, но его не рассматривают, потому что они (т.-е. члены Думы) против него».²

Итак, нельзя сказать, что русское правительство отстало в этом отношении от французского «социалиста». Причина же того, что Романовы, Штюмеры и К^о не приводили в исполнение этой меры, заключалась, однако, вовсе не в Думе, ибо правительство, если бы пожелало, могло провести это мероприятие, подобно многим другим, помимо Думы.

Причина была в том, что царское правительство боялось противодействия этому рабочих масс. И справедливость этого нашего указания подтверждается тем, что, когда, после происшедшей в феврале 1916 г. длительной стачки на Путиловском заводе, было решено секвестровать этот завод, то правительству пришлось столкнуться с открытым отпором рабочей массы. Приведенные выше цитаты из письма А. Ф. Романовой как раз и связаны с вопросом о стачке на Путиловском заводе.

¹ Палеолог. «Царская Россия накануне революции», стр. 121.

² «Письма императрицы Александры Федоровны к Николаю II». 1922 г., том II, стр. 32. — Далее, при ссылках, обозначаем эту книгу сокращенно: «Письма А. Ф.».